

Макар Файтцев

Мейха
ВЫЗЫВАЛИ?

Макар Файтцев
Шейха вызывали?

«Автор»

2026

Файтцев М.

Шейха вызывали? / М. Файтцев — «Автор», 2026

Обаятельная, привлекательная, умудрённая жизнью женщина желает нет, не познакомиться, а просто хорошо провести свой законный отпуск на берегу тёплого моря. И надо же такому случиться, что в это самое время на этот самый курорт приехал тот, про кого говорят: «Седина в бороду – бес в ребро».* ** – Не сбегайте так быстро, я бы хотел сделать ещё пару ваших фотографий на яхте. Женя улыбнулась: «Не стоит. Смотрите, сколько красавиц вокруг!» – Очень даже стоит, – раздался незнакомый мужской голос. Девушка повернула голову в сторону говорящего. Улыбка застыла на её лице. Глаза расширились. Руки и ноги похолодели. Сердце спряталось под коленками, отчего те подгибались. – К-кто вы? Ч-что вам н-надо? – заикаясь, спросила девушка, хотя ответ ей был очевиден. Эти люди являются не для того, чтобы угостить шампанским.

© Файтцев М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Аэропорт	5
Глава 2. Приземление	8
Глава 3. Коварное море	11
Глава 4. Накануне вечером	14
Глава 5. Халат или галстук	17
Глава 6. Спасение...	20
Глава 7. Аферисты	23
Глава 8. Ссора	26
Глава 9. Сюрприз	29
Глава 10. Санобработка	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Макар Файтцев

Шейха вызывали?

Глава 1. Аэропорт

В зале ожидания показное спокойствие.

Одни пассажиры уткнулись в экраны своих телефонов, вторые, положив на колени ноутбуки, что-то быстро набирали на клавиатуре. Дети, стараясь не шуметь, мелкими перебежками перемещались между рядов. Вот малыш, свесив голову набок, сам того не замечая, начал засыпать.

Время от времени, перекрывая монотонный гул толпы, бесцветным голосом звучали объявления о посадке на тот или иной рейс, перечислялись опоздавшие пассажиры, звучали просьбы не оставлять свои вещи без присмотра.

— Неужели в отпуск! — Около огромного окна стояла молодая женщина. Она смотрела на выстроившиеся в ряд лайнеры с триколором на хвостовом оперении и фюзеляже. Её слегка смуглая кожа казалась шоколадной на фоне белоснежного костюма, состоящего из шорт и длинного пиджака. Ноги обуты в сандалии, ремни которых оплетали мускулистые голени бывшей фигуристки или танцовщицы балета. — Как я устала. Прямо с трапа самолёта плюхнусь на песок, на груди повешу табличку: «Не кантовать!» И так целую неделю.

— Женька, тебе одной надо было лететь, а не тащить меня с собой. Так бы хоть познакомилась с кем-нибудь, — с нежностью в голосе журила девушку её соседка: женщина пятидесяти лет, умеренного телосложения и невысокого роста. Светлые волосы её ниспадали до плеч, а зелёные глаза смотрели с тихой задумчивостью. Одета она в белый ситцевый сарафан, украшенный набивной вышивкой того же белого цвета и простым кружевом.

— Мама, сначала мы найдём тебе жениха, а потом уже и за меня возьмёмся.

— Какого мне жениха! Я внуков хочу, а не жениха. Нет уж, вот ты себе найди хорошего парня. Не обязательно из этих, как там сейчас говорят, мажоров. Главное, чтобы рукастый был да тебя любил.

— Забыла?! — вдруг испуганно проговорила Женя и прижала ко рту пальцы. Её миндалевидные глаза вдруг сделались круглыми, как пуговицы.

— Что забыла? Утюг не выключила? — У женщины была такая светлая кожа, что малейшее волнение тотчас проступало красными пятнами.

— Нет, утюг я выключила! Забыла дать объявление, что едет Женька на курорт за женихами. Чтобы мы с трапа сошли, а они нам дорожку красную подогнали, лимузин там, корзину с цветами и оркестр с маршем Мендельсона. Представляешь. — Женька сделала шаг назад, слегка присела, вытянула одну руку, подняла кисть ладонью наружу, натянула маску серьёзности на лицо и голосом, полным торжественности, произнесла: — Внимание, всем женихам мира! На курорт едет Женька. И вот уже Том Круз несётся по волнам на белоснежной яхте, его догоняет на вертолёте Александр Петров, а на машине мчится сам Илон Маск!

Девушка так умилительно скорчила рожицу, что мама не выдержала и громко рассмеялась, но быстро «приглушила» звук, вспомнив, где они находились.

— Дурында ты у меня, Женька. Университет закончила, маленьким начальником стала, а какой была дурындой, такой и осталась.

— Яблоко от яблони недалеко падает. Какая мать, такая и дочь.

Две женщины, такие схожие и разные одновременно, за беседой не заметили высокого, статного мужчину, что на некоторое время остановился позади них, слегка нахмурился, потёр пальцами лоб, словно пытался что-то вспомнить.

— Мама, мы тебе на югах шейха найдём! Вот увидишь, он увидит тебя и лишится языка.

— Зачем мне немой Шейх? — Шутливое настроение не покидало женщину. — И потом, шейхи любят молодых. Давай мы лучше тебе шейха найдём.

— Мама, — Дочь театрально оттопырила губу. — Я в гарем не хочу. Мне на работе хватает серпентария. Согласна не иначе как на мужской монастырь.

Они опять громко рассмеялись. Позади слышались смешки. Мать и дочь обернулись. У близ сидящих соседей уши были заткнуты наушниками, а прочие были достаточно далеко. Правда, один мужчина был совсем близко. Но он стоял к ним спиной и прижимал к уху гаджет. «А если это шейх? — не унималась Женька громким шёпотом. Женщины прыснули. — Во всё время разговора он стоял позадь забора; речь последней по всему полюбилась ему (А.С. Пушкин). Стоит, слушает и уже придумывает план оболъщения, похищения и влюбления».

Мужчина неожиданно закашлялся, но с места не сдвинулся.

— Женька, да хватит уже. Развеселилась словно мои первоклашки.

В это время объявили посадку. Пассажиры поднимались со своих мест и направлялись к стойке регистрации. Дети неожиданно начали плакать, мамы нервничать.

Очередь напоминала дождевого червяка, то раздуваясь в узлах, то сжимаясь до одного человека. Пёстрая толпа была одета по-разному: кто-то по-летнему, собираясь, как и Женька, прямо с трапа самолёта плюхнуться на пляже, другие были в костюмах, словно на деловую встречу летели.

Женька с мамой не торопились. Самолёт без них всё равно не улетит, да и места их никто не займёт.

Мужчина, что стоял за спинами Марьи Петровны, а именно так звали маму Женьки, и самой Женьки, отошёл к очереди. Он встал таким образом, чтобы держать женщин в поле зрения, но самому на глаза не попадаться. А женщины явно не спешили на посадку.

Мужчина поцарапал пальцами подбородок, поросший аккуратной бородкой. В его бегущем от стойки сканирования паспортов к матери с дочерью и обратно взгляде читалось явное беспокойство, словно он пытался узнать, летят ли они с ним одним рейсом или просто забрели в «чужой» отсек.

Очередь была наполнена суетой и шумом: одни пассажиры время от времени отрывали взгляды от экранов своих телефонов, другие переступали с ноги на ногу, вытягивали шею, пытались понять, почему же так медленно.

— Мужчина, паспорт и посадочный, — внезапно прорезался в сознание незнакомца голос служащей аэропорта.

— А? Э? — Человек выглядел растерянным, словно не понимал, что от него хотят.

Служащая в тёмно-синей униформе, удивительно ей идущей, дежурно улыбнулась и повторила сказанное на английском.

Мужчина склонил голову к одному плечу и приподнял бровь, нахмурился, продолжая смотреть.

— Папаша, чего тормозишь? — раздалось из очереди.

— Нужна помощь? — К служащей подошёл её коллега.

— Да вот. — Она показала на мужчину.

Служащий мягким жестом взял из руки мужчины паспорт с зажатым талоном, сверил данные: «Пройдёмте», — пригласил проследовать за собой пассажира, не возвращая паспорта.

Мужчине ничего не оставалось, как пройти за служащим, который по рукаву привёл его к дверям самолёта, где попросил встречающую стюардессу помочь пассажиру.

Высокая блондинка улыбнулась, слегка кивнула головой, приглашая идти за ней. На лице пассажира читалась растерянность, словно он пытался понять, что здесь делает.

— Ваше место. Вы можете убрать вашу барсетку под сиденье впереди стоящего кресла. Вам что-нибудь надо?

— Нет, нет, спасибо, всё хорошо. Извините, немного волнуюсь перед полётом, — наконец-то произнёс человек. У него оказался приятный бархатистый голос.

— Не волнуйтесь. У нас опытный экипаж. Если возникнут вопросы, обращайтесь. — Стюардесса говорила это, отступая, освобождая место для новых пассажиров.

Неожиданно мужчина вздрогнул, склонил голову и быстро опустился на кресло, достал инструкцию правил безопасности в полёте и не обратил внимания, что держит её перед глазами вверх ногами.

Мария Петровна и Женька направлялись в сторону его ряда. Мужчина приподнял инструкцию, скрывая за ней своё лицо. Теперь можно было рассмотреть его широкие пальцы с коротко остриженными ногтями. На мизинце правой руки посверкивала золотая печатка с выгравированной на её гладкой поверхности одной-единственной буквой «М».

— Мама, а тут дядя, а ты говорила, что нет никого, — раздался рядом детский голос.

Мужчина повернул голову. Облегчённо выдохнул. Его соседями по ряду оказались молодая женщина с мальчиком.

Но где же ОНИ? Словно давая ему подсказку, с переднего ряда прозвучал звонкий и мелодичный смех.

— Мама, ты поняла! Только шейх. На других смотреть не будем.

— Ну шейх так шейх. А они там водятся? — согласилась мать.

— Должны. Просто уверена, обязаны водиться.

— Знаешь, Женька, я так давно мечтала прийти на море на рассвете, когда от воды поднимается пар...

— Мама, ты путаешь море с рекой. Но я согласна, что купаться лучше или рано утром, пока вода ещё прохладная, либо вечером... Вот увидишь, нас обязательно ждут увлекательные приключения. Такие, что потом будем всю жизнь вспоминать.

«Вот это я вам гарантирую», — усмехнулся про себя сидящий позади них пассажир.

Глава 2. Приземление

Лайнер ещё раз встрепенулся и замер. Пассажиры, кто с ленцой, кто с облегчённым вздохом, постепенно стали оживляться.

— Вот и всё, мама, мы на месте. Сейчас выйдем и в море — плюх, — мечтательно проговорила Женька, поглядывая в иллюминатор.

— Море выглядываешь? — со смешком спросила мама. — Хочу тебя разочаровать. Здесь только бетон. Самолёты стоят. — Женщина сидела прямо около иллюминатора. Она повернулась лицом к стеклу, заслонив обзор дочери. — Багаж начали разгружать. Сейчас наш появится.

Постепенно пассажиры начали подниматься со своих мест и доставать ручную кладь с багажных полок.

— Мама, первым делом мы купим тебе красивое пляжное платье. Ты у меня должна быть неотразима. Помнишь наш план?

— Помню, помню, ты мне за весь полёт уши прожужжала: ищем немого шейха, который разочаровался в длинноногих красотках и жаждет познакомиться с учительницей математики.

Женщины сидели вполоборота и ждали, когда смогут выбраться со своих мест.

Постепенно проход между рядами стал свободнее. Третий пассажир их ряда давно уже ушёл. Девушка поднялась, забрала небольшой дорожный чемоданчик, который сиротливо лежал на полке:

— Мама, мы последние. Если не хочешь назад, пошли.

Мать и дочь вышли на трап. Лайнер не был подогнан к рукаву. После прохладного воздуха салона горячий терпкий жар тут же облепил их.

— Ой, — вдруг воскликнула мать и приложила ладони к щекам.

— Ты что-то забыла в салоне? — обеспокоенно спросила дочь.

— Дорожки нет. Красной дорожки, лимузина и шейха. Ты уверена, что он не перепутал рейс?

— Да ну тебя, — отмахнулась Женька. — Просто шейх ещё не ведаёт о своём счастье.

— Ты неправильно выразилась, — парировала мать. — Он живёт в счастливом неведении.

Часть пассажиров уже уехала на первом автобусе. Второй поджидал тех, кто сходил с трапа.

За двумя пассажирками из глубины салона следила пара глаз, радужки которых напоминали чёрную вишню. Когда женщины приблизились к автобусу, человек повернулся лицом к противоположной двери, через которую вышел первым, как только автобус остановился около аэровокзала.

Горячий поток воздуха, насыщенный запахом плавленого гудрона, дыхнул в лицо выходящим. Автоматически разъехавшиеся двери аэровокзала ласково приглашали людей в прохладное нутро.

— То холодно, то жарко, так и простыть недолго, — проворчала мать Женьки.

— Мама, мы на отдыхе. Выдохни и не нервничай.

Девушка прекрасно понимала свою маму. Она первый раз за всю жизнь выехала за границу. Сейчас предстоял паспортный и таможенный контроль. Это немного пугало. Мама не говорила на других языках, кроме родного русского.

Но всё прошло гладко. Офицеры привыкли к туристической братии, а женщины ничем не выделялись.

Вот открылись ещё одни двери, и наши героини вышли в зал прилёта.

— Отец, поехали. — Молодой мужчина лет тридцати или чуть меньше, с благородным профилем и горделивой осанкой, которые создавали образ представителя древнего восточного рода, затронул за руку другого мужчину, вдвое его старше. — У меня мало времени.

— Сын, погоди, дай дух перевести. Устал. — Мужчина достал из кармана шорт кусок картона и провёл им по лбу, словно стирал пот. Голова же его была повернута в сторону ворот прилёта. Глазами он бегал по пассажирам, выискивая кого-то.

— На вот, я думаю, что правильнее было бы пользоваться платком, а не билетом. — Сын достал из кармана льняных брюк «верблюжьего» цвета упаковку бумажных платков. Выудил один и подал отцу.

— А? Что? Иду, иду. Или, мой мальчик, ты езжай, куда тебе надо, а я такси возьму. Не заблужусь, я думаю, — невпопад ответил отец, не отрывая своего взгляда. — Неужели ушла... Нет, вот. Точно, она, — прошептал он и сделал жест, словно ослабил узел невидимого галстука. — Феликс, сын, ты здесь?

— Нет, папа, — с сарказмом ответил молодой мужчина, — на Луне. Кого ты там увидел? Привидение?

— Почти. Постой. Я не уверен. — Отец говорил короткими рублеными фразами. Внезапно он посмотрел на сына невидящими глазами, машинально выхватил платок из его рук и прикрыл им лицо. — Ну и жара сегодня. Всё лицо залило потом.

При этом отец стал странно обходить сына, пока тот не оказался между мужчиной и воротами. Теперь отец напоминал школьника, который выглядывал, не идёт ли директор.

— Папа, может быть, ты мне всё-таки объяснишь, что произошло. Последний раз ты так играл с близняшками.

Отец не отвечал. Он не слышал того, что говорил ему сын. Его сердце колотилось быстрее обычного: это точно была ОНА или кто-то, кто слишком сильно на неё похож. Вот она поворачивает голову и наматывает белый локон на палец.

Ему вспомнился запах её волос. Они пахли ромашковым полем. Её звонкий смех и молчаливые слёзы прощания.

Она без мужа, это хорошо, но с дочерью — это не очень. Он думал о том, что ей скажет: «Здравствуй, это я!» Да и помнит ли она его? А если помнит, то сможет ли простить? Кем он был тогда? Студентом, приехавшим на картошку, путавшим «зачем» с «почему».

И всё-таки она здесь, рядом. У него появился шанс, пусть и призрачный, завоевать её внимание, а возможно, и сердце.

— Папа, я поехал. Прости, но у меня совещание. Это ты здесь на отдыхе, а я работаю.

— Феликс, стой! Я тебе приказываю! — Судя по всему, отец стал приходить в себя. Он вцепился в предплечья сына и стал медленно поворачиваться, заставляя Феликса следовать его траектории. — Видишь ту блондинку? — Сын хотел повернуть голову, но мужчина рывкнул: — Да не вертись ты!

— Папа, хочу тебе напомнить, что у меня на затылке глаза ещё не прорезались.

— Прости. — Наконец мужчина отпустил сына, отошёл за колонну, оттуда поманил сына пальцем.

Феликс, не изменяя удивлённого выражения лица, проследовал за отцом. В голове молодого человека крутились разные мысли, начиная Альцгеймером или старческим маразмом, заканчивая розыгрышем. Его отец был мастак на всякие такие вещи.

— Папа, заканчивай, уже не смешно. Мне действительно надо на работу.

— Ты же говорил, что возьмёшь отгул. — Отец разговаривал с сыном отвлечённо. Всё его внимание было направлено на группку туристов, среди которых стояла Женька с мамой.

— Прости, не получилось. Поехали уже, Карина приготовила твой любимый салат с куриными желудками.

— Сейчас, сейчас. Только сделай для меня одно дело. Видишь ту блондинку с дочерью?
— Мужчина указал на Марию, которая крутилась около надписи: «Мечта, а не тур!»

Женщина выглядела слегка взволнованной, её щёки порозовели, глаза блестели, отчего казалось, что она светится изнутри. Её платиновые волосы мягко спадали на плечи. Марат, а именно так звали отца Феликса, почувствовал, как в душе у него разливается приятное волнение, а пальцы ног и рук слегка покалывает.

— Вижу. Не помню, чтобы ты любил блондинок.

— Я и не люблю блондинок. Она не блондинка.

— Ага, брюнетка с волосами белее снега, — хихикнул Феликс. — Ладно. Чего мне нужно сделать? Только быстро, или я поехал, а ты сам. Ты у нас уже большой, взрослый, скоро на пенсию пора.

— Вырастил грубияна, — с усмешкой пожурил сына мужчина, — Мне нужно узнать, в какую гостиницу они поедут.

Феликс хмыкнул: «Спросить в лоб или предложить подвезти?»

— Потолкайся, послушай.

— Папа, ты вообще как себе это представляешь? Они в шлёпках и шортах, и тут я нарисовался, весь такой красивый во льняном костюме, туфлях и при галстукке. Па, ничего не смущает?

— Галстукними.

— А туфли с брюками не надо? Пусть думают, что я в купальных плавках и тунике.

— А что делать? — растерянно спросил отец.

— Поехали, пробьёшь по инету, в какие гостиницы селит это агентство.

Отец тяжело вздохнул и направился за сыном. Но не успели они сделать и два шага, вдруг позади раздался громкий голос: «Кто едет в гостиницу «Кокосовая роща», следуйте за мной».

Мужчина обернулся и увидел, что Мария вместе с дочерью отделились от основной группы и подошли к обладателю голоса.

— Ну вот, отец, всё и разрешилось. Твоя прекрасная незнакомка будет жить в «Кокосовой роще». Ты потом расскажешь, чем она так привлекла твоё внимание? После развода с матерью ты как-то не обращал большого внимания на других женщин. Или, по крайней мере, скрывал.

— Расскажу, и, боюсь, тебе придётся мне помочь.

— Не знаю, что ты задумал, но мне уже страшно, зная, на что ты способен... — сказал Феликс и зашагал крупными быстрыми шагами по направлению к крытой парковке.

Глава 3. Коварное море

Не успели женщины заселиться, как Женька распахнула чемодан, выудила оттуда купальник и со словами: «Мать, ты со мной?» выскочила за дверь.

Мария Петровна с доброй улыбкой покачала головой, но решила не оттягивать прекрасного мгновения.

Несмотря на то, что в водной зоне толпились отдыхающие, под ногами шныряли дети, отстреливаясь из водных пистолетов, мягко вальсировали со своими подносами официанты, разносящие коктейли и креманки с мороженым и фруктовым салатом, дочь она нашла сразу. Та умудрилась втиснуться в бассейн среди прочих, которые прилипли к бортикам, как пиявки к зазевавшемуся купальщику.

— Ма, вода — просто м-м-м... — блаженно протянула дочь. — Протискивайся ко мне. Я уже заказала нам по Кир роялю. Сейчас принесут.

Мария Петровна сняла одну шлёпку и осторожно большим пальцем ноги задела воду. Вода и вправду была тёплой.

— Женька, я не знаю, что есть кир, но рояль, насколько я помню, это большое пианино. Кто и зачем нам его принесёт?

Вообще-то женщина не была фанатом водных процедур. Городские бассейны она тихо ненавидела за запах хлорки и холодную воду. Толком плавать Мария Петровна так и не научилась, а посему в воде всегда мёрзла.

— Я, пожалуй, в шезлонге посижу, — улыбнулась мать. Она обернулась, чтобы найти, куда Женька кинула свои вещи.

Шезлонги жались друг к другу, передвигаемые туристами по траектории движения тени.

— Жень, а Жень, а где наше? — беспомощно спросила мать.

— Там, — махнула рукой Женька и тут же исчезла.

Марья Петровна тяжело вздохнула и побрела в поисках знакомых вещей.

«Ма, я же сказала, тут, держи своё пиванино, а мне давай сумку — раздался за плечом матери голос дочери. Девушка подала маме высокий слегка запотевший бокал с алой, пузырящейся, жидкостью, взяла из рук мамы холщовую пляжную сумку. — Разрешите за вами поухаживать, маман».

— Это и есть твой рояль? — Мария Петровна пригубила напиток. Посмаковала. — Вку-усно! Только холодно. Мы разгорячённые. Сейчас напьёмся холодного, потом горло будет болеть.

— Маман. — Женька хихикнула. — Это же шампусик с сиропом. Ты залпом-то не глотай. — Девушка уже освободилась от сумки и подошла к маме, положила ей руку на плечо. — Выпьём за наш отпуск, чтобы он был незабываемым!

После коктейля Женька утащила мать на горку с бубликами, пообещав, что там не страшно. Усевшись за спиной дочери, мать увидела высоту, с которой они должны «упасть», зажмурилась и задержала дыхание. Глаза открыла, только когда вода заполнила нос.

— Уже всё? — удивлённо спросила мама. — Я даже не успела испугаться. И не кричала. Женька, ты не представляешь, как мне иногда хочется поорать, но возраст и положение не позволяют. Поехали ещё, поору от души!

Накатавшись на горках, наплававшись в бассейне, наевшись за ужином — всего хотелось попробовать — они сходили на площадку, где какие-то артисты пародировали звёзд восьмидесятых. Усталые и довольные, мать и дочь вернулись в номер и рухнули на кровати.

— Завтра буду спать до обеда, — засыпая, прошептала Мария Петровна.

— А я встану пораньше и на море! — зевнула Женька.

Мария Петровна проснулась рано. Лёгкий свежий ветерок колыхал жалюзи, отчего те постукивали.

Женщина посмотрела на часы. Было только семь. Она помнила, что собиралась сегодня встать в обед, повернулась набок, чтобы ещё поспать. Ветерок, проникавший через распахнутую дверь балкона, принёс с собой солёный запах моря. Она полежала немного, но стала затекать нога. Тогда она повернулась на другой бок — теперь мешала рука. Мария Петровна вздохнула и села. Не спалось. Вот если бы надо было идти на работу...

— Женька, — позвала она дочь. — Ты же с утра на пляж хотела.

Женька села, сонно почесала разлохмаченную голову, спросила, который час, и снова улеглась, пробормотав: «Ещё пять сек».

— А как же шейх? Обещала и не ищешь, — смеясь проговорила мать. Ей точно не спалось. Она вышла на балкон. Вид на море частично закрывали какие-то постройки. Внезапно ей захотелось стать такой же юной, как её дочь, поверить, что впереди встреча с её Петром. Она вздохнула: «Права Женька, пора привыкнуть, что муж нашёл приют на небесах. Сердится ли он за то, что я не сдержала обещание?»

«Машенька, ты такая красивая. Я благодарен судьбе, что она мне подарила тебя. Обещай, что после моей смерти ты не будешь себя хоронить заживо. Если встретишь хорошего человека, считай, что я тебя благословляю». Слезинка скатилась по щеке: «Эх, Петя, Петя, почему же ты ушёл?» «Ты обещала. Уныние — это грех», — услышала она в своей голове знакомый голос, который прозвучал так ясно, что она вздрогнула и обернулась. Никого.

Он обещал любить её всю жизнь, но рак не жалеет никого. Она держала его за руку в последние минуты. Его больше нет. Его давно уже нет, целая вечность, целых десять лет. Он не восстанет.

Мария Петровна улыбнулась. Как-то так получилось, что два самых важных мужчины в её жизни звались Петрами: отец и муж. Они даже внешне были похожи. Женщина считала себя счастливым человеком: она выросла в любящей семье, Пётр плавно вошёл в её жизнь, только покинул их слишком рано. Зато у неё есть дети, их дети. Сын живёт своей семьёй в другом городе, а младшая любимица Женька, с ней, никак не встретит свою половину. «Сначала тебя, мама, замуж выдадим, а потом уже за меня возьмёмся», — отвечала девушка, когда мама вздыхала, что дочь до сих пор без пары.

Ветерок ласково погладил щеку. Женщина тряхнула головой, как бы отгоняя воспоминания. «Ничего я не нарушила. Прости, Петя, но достойнее тебя мог быть только ты».

Новый день манил и обещал неожиданный сюжет. Она потянулась, наслаждаясь ощущением свободы и покоя.

Бесшумно вернулась в комнату. Босые ноги коснулись прохладного кафеля.

— Решено! — тихо, чтобы снова не разбудить дочь, проговорила Мария Петровна. Она почувствовала, что улыбка не сходит с её лица. — Решено! — повторила женщина. — Восемнадцать! Мне опять восемнадцать! — вспомнились строчки из песни.

Отправила дочери сообщение. Ей казалось это смешным, но она точно знала, что бумажную записку дочь заметит в лучшем случае на обратном пути из отпуска. Накинула лёгкое белое платье поверх купальника, положила полотенце в пляжную сумку, взяла в руки большую соломенную шляпу и отправилась на море.

На берегу было тихо и безлюдно. Солнце ещё не успело подняться высоко, и его первые лучи сверкали на мелкой отполированной гальке и золотили на волнах пену, напоминающую кипящее молоко. Вода ближе к горизонту, цвета аквамарина, казалась волшебной, как самые сокровенные мечты, манила своей чистотой и прозрачностью. Мария Петровна остановилась на мгновение, чтобы впитать в себя и запечатлеть в своей памяти этот момент. Она вдыхала аромат моря, чувствовала, как ветер треплет её волосы и лёгкое платье.

Море, омывающее её ступни, было спокойным и приветливым, словно старый добрый друг, который встречает после долгой разлуки. Лёгкие волны, словно шелковистые ленты, ласково касались её кожи.

Женщина раскрыла руки и закрыла глаза, подставив своё лицо нежным, ещё не жгучим лучам. Казалось, само время замерло, и только лёгкий шёпот моря нарушал тишину утреннего часа. Вокруг было безлюдно, и это добавляло моменту особую интимность и глубину. Каждое прикосновение ветра к её коже было нежным, как ласка матери.

Мария сняла с головы лёгкую соломенную шляпу с большими полями и белой лентой. Положила её на свои шлёпанцы. Стянула через голову лёгкое белое платье. Положила на шляпу, чтобы ту не унесло ветром. Медленно направилась к воде. Тёплые волны обнимали её ноги, даря ощущение облегчения и умиротворения. Войдя глубже, она почувствовала, как вода бережно обволакивает её тело, унося с собой все печали и сомнения.

Сквозь прозрачные волны было видно дно, усеянное мелкими камушками и ракушками, словно разбросанными жемчужинами. Море было настолько чистым и тихим, что Мария могла различить мельчайшее движение под водой, мелькание быстрых рыбёшек, каждую игру света на её поверхности.

Желание нырнуть было велико, но на подсознании жил страх холода. Мария Петровна медленно, шаг за шагом заходила в море. Только оно не желало понижаться. Вода оставалась на одном уровне: приятно щекотала под коленками. Женщина остановилась, обернулась. Берег был далеко.

Вода была тёплая, как парное молоко. Вдруг волна толкнула её в спину, заставив упасть на колени, а потом потащила за собой. Повинуясь стихии, женщина легла на воду и попыталась плыть. Плавала она не очень хорошо и только тогда, когда под ногами было дно.

Она плыла, наслаждаясь каждой секундой, каждым взмахом своих рук. Ей казалось, что она стала частью стихии, её дочерью, её русалкой.

Постепенно волны становились грубее. Мария Петровна решила, что пора повернуть обратно. Она опустила ноги, но дна не было. Внезапно увидела, как огромная волна, оцетившись белым курчавым ворсом, приближалась к ней. Сердце застучало. От страха женщина беспорядочно заработала руками и ногами то по-собачьи, то по-лягушачьи. Её дыхание сбилось. Паника накрыла с головой. Её подкинуло, перевернуло, швырнуло. «Тону!» — взвизгнула она, и тотчас море угостило её очередной порцией пересолёной воды.

Глава 4. Накануне вечером

Накануне вечером в среднестатистическом коттедже местной постройки.

— Милый, нам надо поговорить.

Во двореке, расположенном с внутренней стороны сада, под навесом из переплетённой виноградной лозы на плетённом из той же лозы диванчике, среди думочек, расшитых в национальном колорите, полулежала молодая женщина. Её лицо, с правильными чертами и тонкими линиями, напоминало изысканную античную статую. Сходство этому добавляла тонкая, почти марлевая, туника, которая скрывала тело ровно до одной трети верхней части загорелых бёдер.

Женщина повернула голову с толстой неаккуратной тяжёлой каштановой дулей на затылке, закреплённой двумя чёрными с узором лакированными палочками. Некоторые пряди выбились и красивыми волнами обрамляли её лицо, отчего оно казалось высеченным из кремового мрамора. Лишь большие миндалевидные глаза глубокого, тёмного цвета, в которых магическим светом плясал огонёк свечи под чайником, смотрели на мужа с неммым неудобным вопросом, говорили о том, что она живая, из крови и плоти, а не богиня.

— Мне надо начать волноваться? — спросил Феликс. Он присел на низкий топчан, стоявший около невысокого столика, где на горелке стоял металлический чайник, огня под которым было ровно столько, чтобы хватило поддерживать его в тёплом состоянии, но не давать возможности закипеть

— Девочки уснули? — Женщина явно мялась.

— С ними дедушка. — Он улыбнулся, обнажая ровные белые зубы.

Женщина прищурилась, любясь профилем мужа. В тусклом свете ночных фонарей, расставленных на равном расстоянии друг от друга по всему периметру на деревянном полу внутреннего дворика, смуглое лицо мужа с правильными чертами, высокими скулами и аккуратно очерченными губами, приобретало бронзовый оттенок. Тени завершали картину, придавая ему загадочный и немного суровый вид. Густые волосы волнистыми прядями падали на лоб и казались ещё темнее, чем были на самом деле.

— Вот о дедушке я и хотела бы поговорить. Ты не находишь, что он приехал немного... я бы сказала, не в себе. То мурлычет себе под нос, то улыбается. Потом вдруг остановится и уставится в одну точку, а губы шевелятся. Я никогда не страдала паранойей, но... — Она обернулась, проверяя, не подслушивал ли их кто, и перешла на шёпот: — Рылся в моих вещах.

— Карина, ты сейчас это серьёзно? — Феликс удивлённо посмотрел на супругу.

— Нет, прикалываюсь. — Она хмыкнула и качнула головой, выражая этим своё негодование.

— И что он там искал? Из твоего ажурного белья панамку от солнца не сделаешь. Не платье же.

— Не платье. Халат.

— Халат? Тот самый, который я тебе привёз из Вьетнама, маленький, в котором моя девочка выглядит конфеткой? — Феликс поднялся, подошёл к диванчику, сел рядом. Карина перевернулась на спину и посмотрела в лицо обожаемого мужа.

Они были одноклассниками и соседями по лестничной площадке, сидели за одной партой в школе и вместе ходили на атлетику. Их семьи не враждовали, но особой дружбы не водили. После окончания школы Карина поступила на юридический, а Феликс недобрал баллы на звукорежиссёра и с чистой совестью пополнил армейские ряды. Она не давала обещаний его ждать, а он не требовал. Для них это было как само собой разумеющееся.

Он хотел сделать для всех сюрприз, вернулся, никому не сообщив.

— Не дождалась твоя, сватают её. А я тебе говорила, да ты слушать не хотел, — заявила мать чуть ли не с порога. — За своего выдают. А я тебе невесту хорошую присмотрела. Тоже из наших. Красивая девочка, домашняя. В посёлке живут. На медаль идёт. Восемнадцать исполнится и жениться можно. Под себя воспитаешь. Жена мужа должна слушать. А твоя Каринка, она ещё с каким гонором. Мне такая невестка не нужна! — Мать накрывала на стол, обзванивала рестораны, приглашала родню и знакомых на встречу с сыном.

Феликс слушал, но не понимал: «Как так? Да, в последние месяцы от Карины стали приходить сухие короткие сообщения: «Со мной всё хорошо. Много учиться приходится, прости, что не отвечаю. Нет совсем времени»». Не слушая матери, молодой человек выскочил на площадку, постучал в соседскую дверь.

— Сын, они здесь больше не живут, — спокойно, без эмоций произнёс отец, который вышел следом за сыном. — Вроде времени прошло всего ничего, а перемены такие...

В ресторан настроения идти не было, но мать настояла. Отец по дороге шепнул, что родительница сразу смотрины устраивает, пригласила семью девушки и её саму.

— Они же с посёлка, — напомнил отцу Феликс.

— На такси прилетели. Так хочется дочку замуж поскорее выдать.

— Папа, как в средневековье, — воскликнул недовольно Феликс.

— А ты не рыпайся, умнее будь. И за счастье своё борись. Вот я женился по воле родителей, теперь несу свой крест.

— С кем бороться, если она меня не любит? — с отчаянием в голосе спросил Феликс.

— А ты у неё спросил? — И отец замолчал, оставив сына с вопросом без ответа.

Праздник не праздник, когда любимой нет рядом. Девушка, с которой мать собралась его сводить, сидела молча, опустив голову и непрерывно глядя в телефон. Он попытался с ней заговорить, но та отвечала односложно: то ли стеснялась, то ли Феликс не по душе ей пришёлся. Хотя разве такой может быть не по душе: красавец, в военной форме, которая ему к лицу, сальные шуточки не сыпал, руки не распускал.

«А тут ещё прискакала в ресторан ненавистная болтушка Клавка. Откуда только и узнала? И так тошно было. Заиграла музыка, Клавка подскочила ко мне и потащила танцевать. От неё невозможно было отделаться, как пиявка прицепилась», вспомнил Феликс и усмехнулся.

Прижалась к нему, обняла за шею.

— Клавдия, у меня невеста там, веди себя прилично.

— А я думала, что ты по Каринке сохнешь, — И хитро-хитро на парня посмотрела.

— Каринка меня променяла на бизнес-мачо.

— Это она тебе сказала? — хихикнула Клава. — Сбежим?

Было бы предложено. Отец на входе только предупредил, чтобы позвонил, если где заночует. «Беги, я сам мать успокою!»

Вернулся Феликс через час. Сам не свой. Руки тряслись, глаза сверкали. Подошёл к столу, налил себе бокал вина, выпил залпом и пригласил «невесту» на танец. После танца подошёл к её матери и спросил разрешения прогуляться с девушкой.

С того времени их встречи стали регулярными. Феликс надумал поступать на информационные технологии, а девушка, как оказалось, была победительницей олимпиады по математике. Молодых людей часто можно было застать дома, они склонялись над учебниками и тетрадями. А осенью оба нашли себя в списках поступивших в университет на один факультет.

Хоть девушка была из сельской местности, она оказалась не такой, о какой мечтала мать Феликса: угодить не старалась, на кухне не толкалась, здоровалась сухо и сразу проходила в комнату молодого человека. «Пригрели змею. Нашли падчерицу», — заводила шарманку мать.

— Сама этот крест повесила на шею сына, теперь терпи. Подожди, поженятся, вся деревенская родня переедет, — ехидничал Марат.

— Я тогда сразу в монастырь уйду.

И вот однажды молодые заявили, что подали заявление в загс.

Марат хихикнул и вышел. Вернулся он быстро: в одной руке у него была большая суковатая палка, в другой — большая сумка.

— Отец, если ты хочешь на нашей свадьбе изображать Деда Мороза, и не мечтай.

— Нет, это мать в монастырь собралась. Грехи замаливать, — со смешком произнёс

Марат.

Феликс знал, что родители давно уже жили как надоевшие друг другу соседи.

— Я на эту свадьбу ни копейки не дам, — авторитарно заявила мать. — У меня совета не спросил, на помощь не рассчитывай.

— А деньги у нас есть. Мы заработали. — ответили молодые, развернулись и ушли.

Однажды мать Феликса вернулась домой и с порога выпалила: «Видела твою Каринку. Подурнела. Пузо огромное, с мужиком каким-то под руку шла».

— Что ты выдумала, мама, совсем не огромное. Она двойню ждёт, — спокойно ответил Феликс.

— А ты откуда знаешь? — спросила мать с подозрением.

— Как откуда, так я на её... мужа работаю.

— Мужа? А она не замужем. Соседка с пятого этажа сказала. Нагуляла Каринка, теперь замуж её никто не берёт. Отец рад выдать хоть за последнего нищего, да кому она нужна такая, пропащая?

— Мама, — с укоризной в голосе сказал Феликс, — ты живёшь в своём прошлом. Сейчас много женщин для себя рожает. Общество давно уже не осуждает никого.

— Ребёнку нужен отец! — категорично заявила мать.

— С этим я полностью согласен, — поддакнул Феликс, приобнял за талию свою невесту и вышел из квартиры.

Наступил день свадьбы...

Глава 5. Халат или галстук

— Феликс, а мама твоя тоже приедет? — спросила Карина, выныривая из-под руки мужа.

— Мама, — Он нервно хохотнул. — Ты забыла, что с ней случилось, когда на свадьбе невеста убрала фату с лица?

— Это была афера века: две свадьбы одновременно. Мы свидетели у наших свидетелей. Мне кажется, что у сотрудницы загса до сих пор заикание осталось. А твоя драгоценная матушка вообще лишилась дара речи.

— Между прочим, лицо твоего папаши побагровело, как свекольная ботва с зелёными прожилками вместо морщин, — не оставался в долгу Феликс.

— Ладно, Феликс, я серьёзно. Ты знаешь, что я очень уважаю твоего отца, без него мы бы ещё долго боролись за счастье быть рядом, но он действительно стал странным. Он вытащил из шкафа мой халат, долго его нюхал в разных местах.

— Мой папа — фетишист, — заржал Феликс. — Может, он тренируется на роль нюхача. Ты же знаешь, его новое увлечение — участвовать в массовках. Или хочет тебе в подарок купить флакон духов, вот и пытается определить запах.

— Феликс, перестань. У меня на прикроватном столике стоят духи. Можно просто прочитать.

Молодой мужчина склонил голову набок, приподнял одну бровь и спросил: «Что, правда? Вот так просто? Не замечал!»

— Да ну тебя на фиг, — воскликнула женщина и запустила в мужа подушкой. — Я серьёзно, а он...

Феликс перехватил на лету подушку, прижал её к лицу и, прикрыв глаза, пробормотал: «Хранительница запаха моей супруги, какие духи, дай угадаю, нотки сандала и герани».

Карина согнулась пополам от смеха. Она пыталась что-то сказать, но не могла, слёзы катились из её глаз: «Герани, — всхлипывала она, — помнишь, помнишь вшей. Мы гераневым маслом, ой не могу...»

Смех — штука заразительная. Скоро и Феликс присоединился к своей супруге, вспоминая, как они щедро обрызгали раздевалку в садике раствором с гераневым маслом. Всех детей пришлось перевести в другую группу. Запах оказался настолько стойким, что не только вши, но и воспитатели разбежались.

— Феликс. — Женщина пыталась настроиться на серьёзный лад, но с таким мужем, как у неё, разве это возможно. — Успокойся, я уже спокойна. — И она хрюкнула от сдерживаемого смеха. — Он скрутил халат в валик и спрятал его себе под футболку и скрылся в ванной. Знаешь, что он там делал?

— В ванной? Карина, только не говори, что ты за ним подглядывала.

— Я не подглядывала! — Терпение женщины было уже на нуле. Она соскочила с дивана, гневно топнула босой ногой. Ойкнула и поняла, что сделала это зря, ибо Феликс тут же уселся на пол около её ног, поймал «повреждённую», поднёс к лицу и спросил, глядя на супругу, надо ли подуть на «бобо».

— Феликс, — взвыла женщина, — дослушай до конца.

— Да, дорогая, слушаю, дорогая. Я уже понял, дорогая, что у моего папы странным образом шевелятся зубы, дёргается нос. А ты не подумала, что он просто искал зубную пасту.

— Ах да, я же забыла, что если не положить рядом футбольный мяч, то Ваше Величество ничего не увидит. Давай рассуждать: зачем твоему отцу мог понадобиться мой халат и что он искал у меня в шкафчике?

— А если он тебе решил в подарок купить платье? Пойдёт с халатом на рынок, чтобы они по его размеру подобрали, — высказал предположение Феликс.

Карина зависла. Глядя на её лицо, можно было подумать, что она занималась гимнастикой для лицевых мышц: поднимала и опускала брови, растягивала губы, раздувала ноздри. Она честно крепилась, но смех так и раздирал её.

— Ты помнишь, что я прекрасно куталась в этот халат, когда с двойней ходила. Прикинь, платье по размеру халата. Я... Я... ой, умру сейчас, — Она хохотала и хохотала, катаясь по полу, схватившись за живот.

Внезапно они услышали голос Марата:

— Простите, не помешал? Я быстро. Феликс, мне завтра нужна твоя машина. Утром. Перед работой.

Карина и Феликс застыли молча. Они во все глаза уставились на стоявшего в тени Марата. Что-то не то было в его облике. Белки глаз в темноте сверкали. Он казался великаном.

Марат крикнул и сделал шаг вперёд. Скучный свет осветил его фигуру: на мужчине был тот самый халат Карины, надетый поверх его светлых шорт.

— Карина, можно я его завтра на пляж возьму? — спросил свёкор. — Чтобы не обгореть. Плечи прикрою. Ты прости, что я без спроса взял. Смотрю, лежит. Вот, решил примерить. А он очень даже ничего.

На секунду воцарилась абсолютная тишина. Даже цикады перестали трещать. Как вдруг громкий слаженный хохот Карины и Феликса разбил эту тишину, как будто с грохотом упала на кафельный пол фарфоровая чашка.

— Глупо, да? А если так? — Он запахнул полы халата и подвязал поясом.

Шёлковая ткань собралась впереди, создавая иллюзию пивного брюшка.

— Отец, ты что, решил завтра с близняшками в султана поиграть?

— Почему сразу с близняшками в султана? Я же сказал, хочу сходить на пляж. Будет жарко. Солнце печёт. Я могу сгореть. А свой халат дома забыл. Карина, так можно? — Голос мужчины прозвучал как-то жалобно.

Феликс поднялся с пола. Смех прошёл. Теперь его лицо выражало растерянность и беспокойство. Он заметил ещё в аэропорту, что его отец ведёт себя странно: следил за какими-то женщинами, узнавал, в какой они гостинице. Но при чём здесь халат?

— Конечно, берите халат. Только вам в нём жарко будет. Он же тёплый, я его зимой надеваю, — поспешила разрядить обстановку Карина. — Но, если вы мне скажете, для чего он, я могу вам предложить что-нибудь другое.

— Спасибо, дочка, — радостно воскликнул Марат. — Феликс, а где ключи? Эх, жалко только, что у тебя не лабудены.

— Лабудены? — переспросила Карина. — Зачем вам туфли на высоком каблуке?

— Туфли на каблуке? Ой, я хотел сказать, не эта... Как там её? Любимая машина Зары. Никак не могу выговорить.

— Папа, а чем моя плоха?

— Некрутая, как говорит Зара.

— М-да, стар да млад. Зара младше тебя ровно в десять раз, а ты ей в рот смотришь. Так пойдёт дело, и близняшки тебя заставят в аквапарк на островах вести.

Марат улыбнулся:

— Хорошие у меня внуки. Умные. Ну так как, сын, дашь машину? Я аккуратненько буду рулить.

— Вообще-то, машина служебная. Давай лучше я тебя отвезу. Ты же привык по нашим просторам разъезжать. Да и с местными не сможешь, если что, поругаться.

— Отлично, представлю тебя как своего шофёра. Мне бы ещё твои часы... Может, галстук или не надо?

Южная ночь тёмная и звучная. Стрекот, пение, журчание наполняли пряный от цветочных ароматов эфир. Где-то завёл свою серенаду кот, тявкнула собака. С другой стороны раздавалась музыка. Всё это отчётливо слышалось во внутреннем дворике дома.

— Папа, ты уверен, что с тобой всё в порядке?

— Феликс, так ты считаешь, что галстук излишне будет. — Марат махнул рукой, а потом сам же и хихикнул: — Точно, я и забыл, что буду в бермудах и халате. Галстук на голом теле смешно смотреться будет. Тогда и часы не нужны. Оставь себе их, сын. Ну, я пошёл. Выезжаем рано. Часов в шесть. Если что, в машине поспишь.

— Я ничего не понимаю. Куда мы едем в шесть утра? Что ты задумал?

Глава 6. Спасение...

На утреннем пляже, ещё пустынном и окутанном свежестью морского бриза, стоял высокий, статный мужчина. Его волосы, впитавшие в себя годы и сменившие цвет на «перец с солью», придавали ему некую элегантность.

Он вглядывался в морскую даль. Глаза его, тёмные, словно чёрная вишня, с глубиной, способной заморозить любого, кто задержал бы на них взгляд. Время от времени он почёсывал нос бульбочкой, который придавал лицу мягкость и доброжелательность. Бульбочка слегка покраснела, что свидетельствовало о её внезапном и ошеломляющем знакомстве с палящими солнечными лучами, и явно собиралась в скором времени шелушиться. Со стороны могло показаться, что на его лицо натянута маска терракотового цвета. Её неровные края обрывались по кромке волос, залазили на козелок, несколько оторванных небрежных клякс виднелись в ушных раковинах. Нижняя часть лица была скрыта благородной растительностью, за нижним краем которой начиналась светлая без пятен кожа шеи.

— Что там происходит, — пробормотал он, теребя пальцами аккуратную бородку.

А на море действительно что-то происходило.

Марат прибыл на берег давно, когда ещё было достаточно свежо. Он вовремя заметил женщину, спешащую на пляж. «И всё-таки моя интуиция меня ещё ни разу не подводила». Он не спешил показаться ей на глаза. Спрятался за закрытым в эти часы баром.

Солнечные лучи скользили по блестящей ткани длинного китайского халата, расписанного изысканными узорами, который вначале он запахнул, повязав поверху пояс, чтобы полы не распахивались. Но наглое солнце уютно устроилось на чёрном шёлке, нагрело его.

Вот женщина постояла на берегу, вошла в воду, которая сперва ей была по щиколотку, потом по колено. Шла она медленно. Время от времени склонялась к воде, зачерпывала горсть, поливала себе спину, выпрямлялась, двигалась дальше.

Когда она легла на воду и поплыла, он вышел из укрытия, подошёл к её вещам. Марат небрежно распахнул халат, открывая мускулистую грудь в золотистых завитках. В одной руке он держал очки от солнца, готовый в любой момент защитить ими свои пронизательные глаза от яркого солнца или «скрыться» за стёклами, стать неузнаваемым. Другую руку засунул в карман своих светлых бермуд.

Он уже предвкушал, как она выйдет, вся сверкающая на солнце, с влажными волосами, дорожками воды на светлой коже. Бросит на него быстрый взгляд. Зардеется. А он... Он делает ей комплимент: «Сударыня, вы такая красивая, как богиня». Она обязательно улыбнётся, поблагодарит его...

Из задумчивости его вывел чей-то толчок в спину. По воде, раскидывая брызги, бежал молодой человек. Он на ходу через голову содрал футболку, обернувшись и что-то прокричав, швырнул её Марату.

Мужчина подхватил летящую в него тряпку, скинул халат и, скорее по инерции, чем от осознания, что там что-то произошло, побежал за парнем. Побежал туда, где была она.

Вначале из-за спины впереди бегущего он ничего не видел. Сделал шаг в сторону и... Над водой взмахнула рука, которую накрыл гребень волны.

Марату словно смазали пятки скипидаром. Он обогнал молодого человека. Бежать было сложно, мешала вода, которая едва доходила до середины бедра. Но потом, когда дно под ногами стало покатым и вода дошла до груди, он взмахнул руками и поплыл на крик. Чей это был крик: женщины, какой-то птицы или он был создан у него в мозгу, Марат не разобрал.

Он одновременно с молодым человеком подплыл к тонущей женщине. Подхватили её под руки и направились к берегу. Волна накрыла их с головой, но двое мужчин оказались

сильнее солёной воды. К счастью, до мелководья плыть было недалеко. Марат доверился более молодому спасателю, полагая, что тот знает местное дно лучше его.

Тонувшая не успела достаточно нахлебаться, чтобы отключиться. И тем не менее она не сообразила, куда и кто её тащит. Мужчины уже стояли на ногах, а она всё ещё пыталась бороться с течением. Песок больно царапал колени. Выпрямить ноги и подняться она не сообразила. Вода с волос стекала по лицу, мешая видеть. От мужской хватки болела кожа на бицепсах.

Посторонний наблюдатель явно удивился бы, чего два мужика по песку женщину тащат. Молодой что-то быстро проговорил, отпустил её руку и побежал к берегу. Мария Петровна плюхнулась левой стороной лица в воду. Соль защипала глаза, запершило в горле.

Марат остановился, не отпуская женщины, слегка нагнулся, присел, хотел подхватить её на руки, но не рассчитал точку опоры и сам упал на гальку пятой точкой, потянув женщину на себя. Она как раз пыталась подняться. Её потянуло вперёд, и она упала на своего спасителя, растянувшись на его груди животом, накрытая сверху волной словно плотным одеялом.

Его нос уткнулся в аппетитную выемку. От конфуза его лицо приобрело виновато-мальчишье выражение. Но, взглянув на женщину: «Не сердится ли», ещё сильнее ступевался.

Тем временем Мария Петровна пришла в себя окончательно. Она резко подалась назад, отрываясь от незнакомца. Поднявшись, женщина нахмурилась и сурово посмотрела на мужчину. «Ишь, какая наглость, лапоть лезет!» — проговорила, эффектно развернулась и уже собралась уходить, как вдруг остановилась, словно что-то вспомнила: «Мужчина, хватит сидеть. Поднимайтесь! Сейчас вас накроет с головой и утащит в море».

Марат зачем-то потёр ногу, но не поднялся.

— Вы что, немой?

Он как-то странно замотал головой: то ли да, то ли нет.

— Ладно, не брошу уж вас. Руку давайте и обопритесь на меня. — Она подошла к нему и протянула свою руку. Марат удивлённо посмотрел на женщину, но руку подал. — Сильно больно? — Она показала на ногу, потом, решив, что он её не понимает, скривилась: «Ай», заскакала на одной ноге, изображая боль.

Марат поднялся. Он стоял на одной ноге, вторую согнул в колене и держал на весу.

— Вот свалилось на мою несчастную голову чудо-юдо. Обопрись на плечо. Слышишь? — Женщина произносила слова чётко, отчаянно жестикулируя. — Вот чего ты улыбаешься, как китайский болванчик. Тащи тебя теперь к берегу, а меня дочь ждёт на завтрак. Не умеешь плавать, нечего в воду лезть.

Марат захохотал, сгибаясь. Море не выдержало и пихнуло его в спину. Мужчина не удержал равновесие и полетел, выставив руки вперёд. Ещё мгновение, и он стоял на четвереньках, подталкиваемый волнами.

— Не хотите — как хотите, — хмыкнула Мария Петровна и направилась к берегу. Никто не видел улыбки, которая никак не хотела покидать лицо женщины. Гормон счастья вибрировал в воздухе. Сделав несколько шагов и совладав с собой, она обернулась.

Марат, который поднялся почти сразу, как увидел её спину, и медленно шёл по воде, внезапно начал припадать на ногу.

Женщина вздохнула, вернулась и, обняв его за талию, стала помогать ему идти.

Запах. Его мускульный запах смешивался с запахом солнца и моря. В тот момент Мария Петровна могла поклясться, что у солнца был свой непередаваемый аромат.

Солнце нежно согревало её плечи, высушивая капли солёной воды на её коже. Осторожно ступая по мелкой гальке, она смотрела под ноги. Вода была такой прозрачной, что если бы не пузырьки отступающей пены, то можно было предположить об осязаемости под ногами воздуха. Она не видела, какими глазами он, Марат, смотрел на неё, как тянулся носом к её волосам, как трепетали его ноздри.

— Вот мы и дошли. Дальше сам, хорошо?

— Хорошо, — ответил Марат.

Мария Петровна вздрогнула и замерла, как лань, учувшая охотника.

— Прости-те, очаро-ван красо-той. — Голос Марата звучал низко, звуки растягивались, придавая некую музыкальность его речи.

— Простила. — Мария Петровна растерянно посмотрела по сторонам. — А где мои вещи?

— Там. — Марат показал куда-то налево.

— Что, там? Что, там? Мои вещи были здесь! Видите? Вот бар. Я разделась напротив бара.

— Там. — Марат взял Марию за руку и решительно направился в ту сторону, куда показывал.

— Пустите, что вы себе позволяете? Ведёте себя как ... как... как какой-то шейх!

— Я шейх, — словно попугай повторил Марат.

— Что шейх? — рассеянно переспросила Мария Петровна. Она медленным взглядом скользила по береговой кромке. Барные постройки, идентичные друг другу, располагались по всему горизонту. — Вы шейх?

Глава 7. Аферисты

Она направилась к тому месту, где оставила своё платье и шляпу, но, к своему удивлению, обнаружила, что шляпа исчезла. Марат слегка отстал от женщины, продолжая прихрамывать то на правую ногу, то на левую, словно до конца не мог определиться, какую повредил.

Мария Петровна огляделась. Подняла платье, стряхнула с него мелкую гальку. За ремешок пятки подняла сандалии, зачем-то посмотрела на то место, где они только что стояли.

— Вы шляпу мою не видели? — спросила она, оборачиваясь к Марату.

— По морю в ней плыл, — ответил он.

— Правда? Зачем?

У неё был настолько растерянный вид, что Марат рассмеялся:

— Кажется, у вас до сих пор шок.

— Шок? Почему?

— Потому что вы тонули. А я... — Он неловко кашлянул. Хотелось быть героем, но совесть не позволяла приписывать доблести себе. — Мы вас спасли.

— Вы? Вы говорите о себе во множественном числе? Страдаете раздвоением личности? И когда это я тонула? — Мария Петровна густо покраснела. Внезапно она заметила неподалёку высокого статного молодого мужчину, который держал её шляпу в руках.

Он стоял на деревянном настиле. Что-то не вязалось в его облике с окружающей обстановкой: элегантный ли с лёгким лоском светлый костюм, бежевые ли туфли под стиль мокасин, галстук ли на рубашке или причёска. Он был безупречно чист и до безобразия аккуратен.

— Простите, это ваша шляпа? — спросил он голосом глубоким и спокойным, как сама бездна.

Мария не сразу нашла, что ответить. Ей казалось, что она уже видела этого мужчину раньше, но где? Во сне, на страницах книги или, может быть, в далёком прошлом? В его глазах светилось тёплое понимание и что-то неуловимо близкое.

— Да, моя, — наконец ответила она, чувствуя, как её голос дрожит от волнения. — Спасибо. Простите, не знаю, как вас зовут.

Мария Петровна почувствовала, что ей просто необходимо узнать его имя, словно оно было паролем, тайным ключом к разгадке какой-то тайны.

— Феликс, что ты здесь делать? — раздался за её спиной голос спасителя.

Если бы Мария Петровна обладала парой глаз на затылке, то они явно вылезли бы от удивления, увидев манипуляции мужчины. Тот двигал бровями, шевелил носом, беззвучно открывал рот и усиленно махал руками.

Когда же она обернулась, то заметила лишь жест, напоминающий ловлю комара.

— Мухи... Одолели, — пояснил мужчина.

— Вы знакомы. Это ваш...

— Мой водитель. Феликс, я велеть сидеть машина, — резко проговорил Марат.

Теперь уже лицо Феликса претерпевало изменения: его брови поползли вверх, а рот открылся, словно ему не хватало воздуха.

— Шляпа давай и в машина иди. Ждать меня.

— Как скажете, шеф, — сдерживая смех, ответил Феликс. — Хочу напомнить Вашему Величеству, что через полчаса у вас заседание круглого стола. Можем опоздать. Принцессы Зара и Нара просили не опаздывать — Он ступил на гальку и сделал несколько шагов по направлению к Марье Петровне, протягивая ей шляпу. — Возьмите, её унесло к бару.

— Спасибо, — Она протянула руку, стараясь не касаться молодого мужчины. По возрасту он бы мог быть ей сыном. — А вы откуда родом? — Он назвал. — Теперь я понимаю, почему

вы хорошо говорите по-русски, а ваш шеф не очень. Он, наверно, местный. Подождите меня, пожалуйста, я сейчас.

Она на носочках перебежала к деревянному настилу. Бросила на него сандалии, потом села на корточки, приподняла одну ногу и принялась ладонью счищать мелкие камешки.

Марат быстрыми шагами подошёл к ней. Хотел взять, чтобы придержать её за руку, но она не позволила это сделать.

— Отец, бери халат. И что с твоим лицом? — спросил Феликс.

— Отец? Вы его сын? — Мария Петровна надела обувь и через голову натягивала платье.

Воспользовавшись, что она не видит, Марат покрутил сыну у виска.

— Для всех, кто работать на шейх, он отец. Они все мой дети, — проговорил Марат. — Мой лицо нормальный. Покраснел на солнце. Редко бывает. Офис всё время.

— А лицо у вас и действительно странное. Я думала, что у вас витилиго.

— У меня витилиго. Вчера вечером появилось. Бывает иногда. То есть, то нет.

— Шейх, я поехал. Во сколько забрать?

— Я тоже спешу в отель, — поспешно ответила Мария Петровна. — Там дочка ждёт. Завтрак скоро. А вечером в город пойдём. Мороженое есть. Хотите с нами? Будем рады. Мы города не знаем. Будете гидом.

Мария Петровна чувствовала, что её несёт, как это бывает с юными девушками, впервые повстречавшими мальчиков своей судьбы, но не могла остановиться. Как и не могла себе объяснить, почему ей хотелось ещё раз встретиться с Феликсом. Она думала о том, что ей просто необходимо выяснить, откуда она его знает, какая их связывает тайна. Он не мог быть её любимым: слишком молод, но эти глаза, словно явились из прошлого, когда она была ещё наивной и юной...

Феликс усмехнулся, повернулся и пошёл прочь. И эта усмешка тоже ей была знакома.

— Шейх, я не могу пригласить вас на завтрак. Он только для тех, кто живёт в отеле, — сказала она, чтобы сгладить возникшую уходом Феликса неловкость.

Марат стоял на гальке, слегка покачиваясь на ветру, и его тёмные глаза смотрели прямо на неё. На миг ей показалось, что это глаза Феликса.

— А ваш водитель точно не ваш сын? Вы очень похожи.

— Мой сын — водитель? — Он усмехнулся. — Мой сын знаете кто? Он специалист по компьютерной безопасности и сейчас находится в командировке... — Марат резко замолчал, словно выдал важную тайну.

— Вот уж не знала, что шейхи гордятся так своими детьми.

— Ещё как гордятся. Позвольте вашу руку. — Он протянул свою руку ладонью вверх.

Его ладонь была изрезана линиями на сотни геометрических фигур. На холме Меркурия была родинка в форме звёздочки.

Мария задержала дыхание, почувствовав, как её сердце забилося чаще. Она уже видела эту родинку.

Это было давно-давно, когда ей было семнадцать, а ему... Сколько же было тому парню, который приезжал с другими студентами на картошку? Его звали Миша. У него были карие глаза и светлые, почти белые волосы.

Женщина посмотрела в лицо шейха, изуродованное персиковым цветом. В его облике было что-то притягательное и в то же время знакомое, но это был не Миша. Глаза шейха были темнее, да и волосы — благородная смесь соли с перцем.

Он протягивал ей руку, и в этом простом жесте было столько невысказанного, столько скрытой нежности и заботы, что Мария Петровна на мгновение почувствовала себя героиней старого кинофильма о восточных шейхах. Она внезапно застеснялась своих мыслей. «Всё Женька виновата», — подумала она о дочери, а вслух произнесла:

— Бегите уже, мне кажется, что ваш Феликс уже в гневе.

— Да, вы правы. Кафе «Большая каракатица», сегодня в восемь.

Он развернулся и пошёл, широко ступая своими босыми ногами по деревянному настилу. Она видела, как перекачиваются мышцы на спине под его светлой кожей. Перед тем как скрыться, он повернулся и махнул рукой.

«Ну вот и всё, жаль, что так быстро закончилось», сами того не зная, подумали они одновременно.

Женщина вздохнула. Она не верила в продолжение таких случайных знакомств. И потом, а вдруг это какой-то пляжный аферист. А что? Она слышала истории, когда на курортах мужчины производили впечатление на одиноких женщин, приезжали к ним на родину, рассказывали о долгах, вытягивали деньги, а потом исчезали.

— Точно! Аферист! Он поджидал свою жертву на море. Думаю, он знал, что море здесь коварное. Он же не один был! Точно, это Феликс! Они вытащили меня вместе, а потом парень переоделся! Так вот откуда мне знакомо его лицо! Нахал! — гневно выдала она свою тираду морскому бризу и собралась уходить, когда её взгляд упал на лежащий на гальке расписной халат. Она подняла его, вспомнив, что Феликс напомним его взять.

«Вот и будет повод встретиться, — не без улыбки подумала Мария Петровна. От этой мысли у неё в груди всё перевернулось. — Мы ещё посмотрим, кто кого объегорит! Предупреждён — значит вооружён!»

Глава 8. Ссора

Мария Петровна возвращалась в отель с лёгкой улыбкой на губах. Происшествие на пляже встревожило её мысли, но уже не вызывало паники. Она словно пережила маленькое приключение, которое придало ей новых сил и эмоций. Захотелось снова стать глупенькой девушкой, которая ждёт встречу с тем единственным.

«Прости меня, Петя, не знаю, что нашло, — подумала она и по привычке глянула на небо, не нахмурилось ли оно. Но небо было безмятежно синим.

Она потянула дверь на себя и вошла в почти ещё безлюдный холл гостиницы, продолжая мысленно общаться со своим покойным мужем: «Петя, я знаю, ты меня в обиду не дашь! Пусть будет то, что будет. Денег у меня нет, квартира пополам с дочерью! Чем я рискую, кроме утраченной девственности?»

Мария Петровна почувствовала, как от этих мыслей жар удушливой рукой сжимает голову, но не от стыда, а от постыдных мыслей. Беззвучно обругав себя, что повелась на поводу у дочери, она выдохнула, зашла в лифт и глянула на себя в зеркало.

«Давление», — поставила она себе диагноз.

Лифт важно качнулся, мелодичный механический голос что-то пропел, на табло одна за другой сменялись цифры. Мария Петровна была погружена в ход собственных мыслей. Если быть точным, она пыталась эти мысли обуздать и направить по верной колее, но те упорно разбегались, рисуя в мозгу всё новые и новые сцены её спасения. Кроме того, перед ней стояла дилемма: рассказывать или нет о случившемся дочери. Так она доехала до нужного ей этажа, дошла до своего номера, где приложила карточку к датчику, который был расположен на стене рядом с дверью.

Мария Петровна открыла дверь в номер и на цыпочках вошла. Поворачиваясь спиной к комнате, она придерживала дверную ручку, чтобы замок не щёлкнул и не разбудил дочь. Ей хотелось ещё несколько минут побыть с мыслями наедине.

— Так-так, это что за ночной побег? — услышала она за спиной голос дочери. — Я волнуюсь, звоню ей, а она телефон оставила и сбежала. Нехорошо, Мария Петровна! Я повторяю, нехорошо! Дурной пример дочери подаёшь! Так и запишем, чтобы потом было что напомнить, когда я так же, как и вы, маман.

— Побег? С чего ты взяла? Я это... — Мария Петровна жестом нашкодившего подростка быстро опустила пляжную сумку и подвинула её ногой, мол, не моя. — Женька, ты бы сумку убрала, а то дверь открыть нельзя. Мешается. Уже большая...

— Ма-ма, — произнесла дочь. — Ты сама меня учила, что обманывать нехорошо.

— А кто обманывает? Кто кого обманывает? Никто не обманывает. Да, я выходила, и что из того? — Мария Петровна выпрямилась, подбоченилась. — Вот ты мне ответь. Кто кого обманывает? Да, я выходила, чтобы... — Она замкнулась на короткое время, а потом продолжила: — Чтобы посмотреть, где завтрак накрывают. Одевайся и пошли уже завтракать. Я просто умираю с голода. Пока народ не набежал.

Женька хихикнула и прошла в ванную.

Это была шикарная комната: светлый, сверкающий в свете встроенных ламп кафель, белоснежная сантехника. Самый большой восторг у Женьки вызвал кран. Его носик был сделан в форме трамплина: широкая, плоская, изогнутая как трамплин платформа, по которой струилась вода и спадала водопадом.

— Мама, домой приедем, я такой же кран поставлю.

— Женька, вот купишь свою квартиру и делай в ней, что хочешь. А мою не трогай. Этот кран ещё отец устанавливал.

— Я думаю, что папа был бы только за. Я в душ. — Послышался шум воды.

Мария Петровна, воспользовавшись тем, что дочь её не видит, быстрым движением рук достала влажное полотенце и вышла на балкон, где бросила его на спинку стула. Вернулась, стянула намокшее от купальника платье, сам купальник...

Когда дочь вышла из душа, мать уже переделалась в лёгкий длинный сарафан белого цвета с принтом в виде продольных разноцветных полос.

— Я готова. — Дочь с удовольствием глянула на себя в зеркало: волосы были убраны в высокий хвост, отчего открывалась красивой формы шея. Белая майка оттеняла слегка смуглую кожу. Короткие шорты визуально делали и без того длинные ноги ещё длиннее, от «самых коренных зубов». — Пошли завтракать. У меня желудок уже начал сам себя грызть, пока некто пути прокладывал.

Женщины вышли из номера. Обычно Мария Петровна следовала за дочерью, для которой эта поездка была не первой, и девушка прекрасно ориентировалась, где бы ни находилась.

Но в этот раз Женька не двигалась.

— Женя, пошли, чего стоишь? Ты же ещё пять минут назад умирала с голоду.

— Мама, это ты, не я, ходила узнавать, где завтрак накрывают. Веди меня.

— Ты так? Хорошо, пошли! — Мария Петровна недовольно тряхнула головой и быстрым шагом направилась по коридору.

— Мама, а ты уверена? — с поддёвкой в голосе поинтересовалась дочь.

— Уверена, будь спокойна! Видишь тот знак? — Мария Петровна показала на небольшую табличку, обозначающую грузовой лифт, расположенную в выступе под потолком.

— Что ж, как все дороги мира ведут Рим, так и все коридоры отеля должны вести в столовую. Только, мне кажется, наш путь против хода движения.

Длинный коридор в светлых тонах петлял, поднимался на три-четыре ступени, потом опускался на одну-две, поворачивал. По одну сторону были двери, отделанные под старину: дерево, с которого слезала бежевая краска; а по другую — огромные окна с видом на внутренний двор. За очередным поворотом коридор стал таинственнее от светящихся на уровне щиколотки ламп. Дверей стало больше: они располагались по обе стороны коридора.

— Мама, если ты мне решила сделать экскурсию по отелю, то спасибо, я бы посмотрела его лучше после завтрака. Мой живот уже подвывает.

— Не ворчи, мы почти у цели.

Перед женщинами распахнулись автоматические двери, и они очутились на бетонной площадке серого цвета без изысков. Мария Петровна нажала на кнопку лифта.

— Мама, а тебе не кажется, что это служебное помещение.

— А тебе обязательно нужен королевский лифт? — хмыкнула Мария Петровна. — Так короче. Лифт как лифт.

— Прости, мама, я забыла, что ты учитель математики.

— Что ты хочешь этим сказать? — Женщина повернула голову и через плечо посмотрела на дочь. Та явно подтрунивала над матерью.

— Что кратчайшим расстоянием считается то, что пролегает по ломаной линии.

— Женя, не позорь меня! Кратчайшее расстояние всегда по прямой.

— То есть тот путь, который мы проделали, будет прямая линия?

— Евгения, я ещё не научилась проходить сквозь стены. — Мария Петровна сжала губы в ниточку.

— Ну не сердись, мамуля. — Женя подошла к маме и обняла её за плечи. — Пойдём, я покажу тебе дорогу.

Гордость Марии Петровны была уязвлена. В этот момент дверь лифта открылась, и женщина без слов шагнула в кабину. Женя проследовала за ней.

Они приехали на нулевой этаж, вышли. В этот раз коридор был тёмным, освещён довольно скудно. Куда идти, было неясно. Постояв немного и прислушавшись, Мария Пет-

ровна решительно повернула налево. Женька молча проследовала. По мере приближения к неясной цели шум, похожий на звяканье посуды, усиливался. Они остановились перед металлического цвета дверями с круглым стеклянным окошком на уровне глаз. Без слов было понятно, куда они пришли.

— Мама, я, конечно, понимаю твоё нетерпение поскорее накормить своё голодное чадо, но давай не пойдём через посудомоечную. Я думаю, что в буфете ещё что-то осталось для нас. Уговорила, я не буду спрашивать, где ты была утром.

— На море. Да, я была на море, — почему-то с вызовом ответила Мария Петровна. — Что, мне на море нельзя? Да? Почему я должна спрашивать разрешения у дочери? Хватит уже мною командовать! Евгения, ты меня поняла?

Глава 9. Сюрприз

На миг Женька замерла. Она растерялась. Её мама всегда была спокойной, прекрасно держала себя в руках, а тут непонятно что на неё нашло.

— Мам, ты чего? — Женька приобняла маму за плечи. — Мы же отдыхать сюда приехали. Лучше расскажи про море. Я завтра обязательно с тобой пойду. Как вода? — Женька при этих словах взяла маму за руку, словно та была её подружкой, повернулась и направилась в другую сторону по коридору.

— Солёная, — отрезала Мария Петровна.

— Потому что там селедка плавает? — попыталась разрядить обстановку девушка.

— Солёная, как слёзы.

Женька остановилась и с любопытством посмотрела на мать:

— Мамочка, что-то случилось? Тебя там кто-то обидел? Ты что, плакать надумала? Мамочка, не надо так расстраиваться, что я тебе не позволила заниматься любимым занятием. Ты и правда думаешь, что шейха за мытьём посуды встретишь?

Произнесено это было таким тоном, что обида у Марьи Петровны испарилась моментально, и она весело рассмеялась:

— Дурында ты, Женька, как и есть дурында. Веди меня в столовую. Я умираю от желания тебе всё рассказать! Только ты не смейся надо мной!

— Не хочу я в столовую, — топнула ногой Женька. — Рассказывай уже, а то я лопну от любопытства!

— Я хочу есть, а ты можешь лопаться! Имей в виду, штопать тебя не буду. Веди меня в столовую.

— В столовую? Ни ногой! Позвольте, маман, пригласить вас в ресторан.

Незаметно коридор повернул вправо, и перед ними открылся огромный солнечный холл, который, несмотря на утренние часы, уже полон туристов.

Женька с мамой направились к ресторану отеля, где утренние солнечные лучи мягко освещали уютный интерьер. Приветливая официантка провела к столику, который стоял под навесом на открытой террасе.

— Мама, смотри, какой вид! Мы будем хрустеть круассанами и пить апельсиновый сок под шум прибоя.

— То, что под шум, это точно, только не прибоя, а толпы. Ладно, показывай, как здесь всё устроено.

Женька провела маму к столам, на которых стояли салаты и сухие завтраки, фрукты и овощи, тастики с йогуртами и сметаной, мясные и сырные нарезки и многое, и многое другое.

Набрав полные тарелки всякой всячины, женщины уселись, и Мария Петровна начала рассказ:

— Представляешь, Женька, я сегодня чуть не утонула. Была в воде, и вдруг волна накрыла меня с головой.

— Ты поплыла в открытом море? Мама, я горжусь тобой, ты же никогда глубже, чем по колено, не заходила. Но, пожалуйста, не ныряй без меня в воду с головой.

— Да я сама не знаю, как получилось. Шла-шла, шла-шла и бац, уже глубоко. В общем, я запаниковала, не могла выплыть, и тут... меня спас шейх!

Женька уставилась на мать с широко открытыми глазами:

— Настоящий шейх?

Мария кивнула и, улыбаясь, добавила:

— Да, самый настоящий. С чалмой и бородой, в халате, как из сказок.

Девушка некоторое время молчала, переваривая услышанное, а потом вдруг заявила:

— Что, прямо в халате бросился в воду?

Мария Петровна весело засмеялась:

— Нет, это я так. Для прикола. И не знаю, шейх он или нет, но очень даже импозантный мужчина. Вежливый, вечером в кафе пригласил. И водитель у него... Представляешь: шейх в трусах и халате, а водитель при костюме словно большой начальник. Если серьёзно, то я полагаю, что это просто пляжный аферист.

— Мама, помнишь, у меня был дар предвидения? Я всегда предвидела, по какому предмету будут контрольные и что я по ним получу, — засмеялась девушка.

— А, ну да, ещё бы не помнить, когда ты возмущалась на всю квартиру, что Зоя Васильевна устроила внеплановую контрольную и ты схватила пару, потому что весь вечер с мальчиком просидела в сетях.

— Мама, когда это было? А Зоя Васильевна нехорошо поступила. Ладно, оставим мои школьные дела. Я думаю, что это настоящий шейх. Заключим пари? Если шейх, то ты... То ты...

— Покатаю тебя на верблюде, — выпалила Мария Петровна.

— А где ты верблюда возьмёшь? — удивилась Женя.

— Как где? Займу у шейха. Если он шейх, то и верблюды должны быть.

Женька жеманно махнула кистью руки:

— Ой, мама, какие нынче верблюды? У шейхов нынче нефтевышки. Ладно, обсудим план действий! Давай проверим мой дар. — Женька привстала, посмотрела через перила балкона вниз, потом вернулась на место и торжественно произнесла: — Сейчас мы выйдем отсюда и повстречаем большое дерево под названием пальма! Это будет необычное дерево, под пальмой нас будет ждать сюрприз.

На пути им действительно встретилась большая раскидистая пальма. Из её мохнатой макушки словно бусины свисали жёлто-оранжевые плоды на гибких прутах. Мария Петровна задрала голову, придерживая одной рукой спадающую шляпу, пошла вокруг, рассматривая диковинку. Она не заметила лоточника с мороженым, который для чего-то нагнул. Известная всем сила под названием инерция упорно тянула тело вперёд, а ногам ступать было некуда. Женщина замахала руками, сжимая в одной сорванную с головы шляпу. Она самым таинственным образом умудрилась нахлобучить головной убор на несчастного лоточника, а потом, скорее всего для верности, чем из вредности, плюхнулась на него всем телом.

— Мама, — взвыла Женька, из последних сил пытаюсь сохранить серьёзность.

Парочка из подмятого лоточника и восседающей на его коленях дамы тут же стала горячим видео. Прямой эфир вёлся непосредственно с места события. Туристы с включёнными камерами телефонов снимали со всех ракурсов, давали комментарии.

Мария Петровна встала, подала руку худенькому пареньку и, не рассчитав силы, дёрнула на себя. Следующий кадр завершился припаданием юноши к груди женщины. Лоток закачался и норовил завалиться набок.

— Подниму, — бодро воскликнула Мария Петровна.

Понял ли её лоточник или нет, но он решил опередить энергичную даму. Количество стримеров, снимающих две попы (одна в белом, в полоску, другая — в джинсах), выступающие над поверженным лотком, увеличилось вдвое.

— Мама, хватит позировать перед объективами, — воскликнула Женька, выуживая маму из того самого мороженого, которое не менее таинственным образом обсыпало женщину. Лоточник стоял с застывшим от изумления лицом, держа свой лоток открытым «верхом» боком. Мороженое вперемешку со льдом и бутылками с напитками скользили прямо в подол сидевшей на земле женщине. Мария Петровна хохотала как безумная, отчего у неё не получалось подняться.

К парню подскочил высокий и такой же худой, как и лоточник, мужчина. Он что-то кричал, вырвал лоток, стал обратно заталкивать бутылки, уцелевшее и не успевшее подтаять мороженое, собирая его с подола платья Марии Петровны.

— Вам помочь? — участливо спросила Женька на английском.

Мужчина глянул на неё с таким ужасом, что девушка поторопилась ретироваться, она тянула мать за руку, помогая той подняться. В свою очередь, Мария Петровна придерживала свободной рукой подол, чтобы старший лоточник собрал весь товар.

Когда последняя бутылка была забрана, Женька потащила мать в другую сторону. Но через несколько метров Мария Петровна вдруг остановилась:

— Моя шляпа, она там, — указала она на злополучную пальму и рванула к плоскому соломенному предмету, украшенному блестящим конусом, из-под которого вытекала белорозовая масса. На сей раз на пути женщины попался куст гибискуса.

— Стоять! — рявкнула дочь, выдёргивая мать из куста. Несколько ярко-красных цветов украсили белые волосы женщины. — Мама, я сказала сюрприз, а не врезаться в лоточника и не падать в куст гибискуса. Мама, это не шляпа, это блин из соломы! Я куплю тебе другую.

— Женька, я же вижу, это моя шляпа. Была. — Она увидела, как лоточник быстро собрал и бросил в мусорный мешок всё, что было когда-то мороженым и шляпой. — И так неудобно получилось, может, мы заплатим. А?

— Мама, я выясню этот вопрос потом. Хорошо? У них должна быть страховка на подобный случай.

— Считай, что сбылось твоё предсказание. Сюрприз! — Мария Петровна показала на своё заляпанное платье, оставив то, что совсем недавно было шляпой. Разноцветные полосы из мороженого эффектно подправили узор, придав ему неповторимый авторский дизайн. — Всё, я пошла в номер и больше оттуда не выйду. — Мария Петровна решительно повернула обратно.

— Мама, я тебя никуда не отпущу. — Женька догнала мать.

— Какой позор. Теперь все будут на меня показывать пальцем и шептаться за спиной, — сокрушалась женщина.

Она шла так быстро, что Женьке пришлось снять сандалии и бежать по горячей плитке.

Войдя в холл, Мария Петровна бросила воровской взгляд: «Не видели ли они её позора?» Но здесь каждый занимался своим делом.

— Представляешь, мама, мы заходим в номер, а там подарок от шейха, — хихикнула Женька в лифте.

Глава 10. Санобработка

После полуденной жары и яркого солнца комната встречала прохладой работающего кондиционера и лёгким полумраком. Горничные уже навели порядок. Они задёрнули тяжёлые, плотные гардины.

Мария Петровна направилась в ванную комнату, чтобы смыть с себя сладкие кремовые и шоколадные подтёки.

Сквозь шум воды, стоя под душем, женщина слышала радостные вопли Женьки. Она улыбнулась, вспомнила пальму, покраснела, представила, как выглядела со стороны, захохотала.

Приятный запах кокосового геля окончательно вернул ей прекрасное расположение духа.

— Женька, Женька, вроде, взрослая девушка, а верещишь как маленькая! — пожурила женщина, выходя из душа.

— Мама, мамочка, я провидец! — Женька подскочила к матери, положила ей руки на плечи и стала кружить по комнате.

Мария Петровна смеялась, пыталась успеть за дочерью, но голова закружилась, и женщина, покачнувшись, упала на кровать. Она продолжала смеяться и журить дочь, опершись на вытянутые руки и откинувшись назад. Внезапно её рука нащупала что-то шёлковое. Она обернулась, но в полусумраке не смогла разглядеть. Мария Петровна попросила Женю раскрыть шторы.

Солнечный свет словно того и ждал: нагло ворвался в комнату, заблестел на лакированных и стеклянных поверхностях, заиграл в графине с водой.

— Женя, а это что? А это откуда? Где ты это взяла? — Мария Петровна показала рукой на чёрный шелковый свёрток, который лежал на кровати.

— Мама, я же сказала, я — провидец! Подарок от шейха.

Женька аккуратно подняла свёрток, поднесла к лицу, принялась, зажмурилась от удовольствия и объявила, что у него такой же запах, как и у её любимых духов.

— Подарок? А как он сюда попал? — Женщина взяла вещь, развернула и засмеялась: — Это же его халат, шейха. Я сама принесла его в номер, да забыла. Это не подарок, это его халат.

— Мама, это женский халат.

— С чего ты взяла?

— Смотри, — Женька подняла рукав и показала на мелкие редкие розочки, которые издали напоминали горошины с неровными краями.

— Значит, я взяла чужой халат, — вздохнула Мария Петровна. — Как нехорошо получилось. Кто-то ищет, а он тут лежит. Пошли отнесём на ресепшен.

Женька сняла халат, аккуратно его сложила, провела рукой по блестящему, чёрному шёлку:

— Мама, что значит взяла? А вдруг это халат... его любимой жены и он переходит по наследству!

— Женька, хватит, это уже не смешно. Когда мы стояли около моих вещей, появился молодой человек в костюме, его водитель. Он крикнул шейху: «Папа, бери халат и поехали!»

— Водитель крикнул: «Папа»? У него сын — водитель? И тебя не смутило, что они говорили на русском, или ты научилась понимать местный?

— Женька, я же тебе уже говорила, что никакой это не шейх, а просто курортный аферист. Банда у них. Вот что я думаю, этот халат принадлежал какой-то женщине, которую они тоже обманули. Когда я начала тонуть, их было двое, а потом оказался один. Спрашивается, где второй? Я думаю, что он успел переодеться, чтобы на меня произвести впечатление.

Девушка сидела на кровати, подогнув одну ногу под себя. Она внимательно слушала маму и машинально пальцами поглаживала приятную на ощупь ткань халата. Несмотря на рассказ, девушка улыбалась.

— Понимаешь, дочка, это всё так неожиданно произошло, что мне и хочется поверить в сказку, но умом я понимаю, что чудес не бывает.

— Нет, мама, не клеится что-то. Смотри, если это банда, то у них должны быть распределены роли. Тогда водитель бы крикнул что-то типа: «Ваше Величество» или «О Великий Шейх». Я не знаю, как принято обращаться. И уж точно они бы не говорили по-русски. Ладно, если хочешь, мы сдадим этот халат, но после вечерней прогулки. Идёт? Ты же сказала, что он назначил тебе свидание. Ты наденешь этот халат и пойдёшь по улице. Я просто уверена, что женщина, которой он принадлежал, его узнает. Или же твой шейх. Как хоть у него имя?

— Аферист, — категорично заявила Мария Петровна.

— Мама, нельзя же всех подозревать, — сокрушённо вздохнула Женька. — Возможно, это просто любитель романов без обязательств. А курортный роман как нельзя лучше для этого подходит.

— Не знаю, Женька, не знаю. Может, ты и права, но подозревать его я просто обязана.

Так они и порешили. Однако жаркий вечер не дал осуществиться их планам. Злополучное платье в полоску к вечерней прогулке успело высохнуть, и Мария Петровна решила его надеть. Сверху, как они и договаривались, она надела халат. И если в прохладном холле было ничего, то, выйдя за скользкие двери, Марье Петровне показалось, что она в бане. Халат пришлось снять и положить в пакет.

До центра городка циркулировал небольшой автобус. На нём и доехали. Откровенно говоря, выходить из салона автобуса, оснащённого кондиционером, не хотелось.

Набережная, она же центральная улица или прогулочный бульвар, был полон туристов. Одни мелкими перебежками перемещались от ресторанчиков к кафе в поисках свободного места. Другие просто наслаждались лёгкой, едва уловимой прохладой. Магазины светились разноцветными огнями, а воздух наполнял аромат свежей выпечки, кофе и море.

Мария Петровна и Женька прогуливались вдоль резного ограждения, за которым лениво ворочалась чернильная жижа. Всё их внимание было сосредоточено на ярких, то взлетающих под небеса, то исчезающих за спинами прогуливающихся, струях музыкального фонтана, возле которого и было назначено свидание. Если точнее, то вход кафе «Большая каракатица» находился напротив морского чудовища, плюющего разноцветными брызгами.

— Какое интересное сооружение. Как ты думаешь, что это? Какой-нибудь обзорный 3D-пункт? — Мария Петровна показала на похожее на деревянную юрту строение без окон, с одной-единственной дверью, сбоку от которой горела красная продолговатая панель.

— Мама, это туалет. Красный цвет означает, что там занято, — пояснила Женька.

Внезапно, словно из-под земли, выскочила девочка лет одиннадцати с мороженым в руке. На бегу она обернулась и крикнула кому-то, кто был позади: «Не догонишь!».

Мария Петровна, на которую девочка неслась, решила посторониться и сделала шаг влево. Но, видимо, фортуна повернулась к ней своим пышным задом, ибо девочка тоже сделала шаг в зеркальном отражении и по воле судьбы врезалась в женщину.

Мороженое выскочило из рожка, оставив ядовито-жёлтое пятно на платье Марии Петровны. Женщина и девочка замерли, глядя друг на друга.

— S-sorry, — прошептала девочка.

В это время к ним подошла женщина, которой на вид было двадцать пять лет. Она грациозно двигалась. Весь её облик, это облик утончённой и изысканной красавицы. Её волосы, длинные и тёмные, как семидесятипроцентный шоколад, ниспадали волнами на плечи. Женщина улыбнулась Марии Петровне и извинилась на английском языке, потом повернулась к девочке и начала её отчитывать:

— Нара, сколько я говорила, чтобы вы не бегали среди толпы! Взрослые девчонки, а ведёте себя как малолетки. Где Зара? Зара! — Женщина повернулась к Марии Петровне и снова что-то проговорила.

— Я по-русски, — пробормотала обескураженная Мария Петровна. — Какое несчастливое платье. Это ничто по сравнению с тем, что было днём.

— Мама, там туалет. — Женя указала на строение. — Может, можно замкнуть.

В этот момент красный огонёк на панели сменился на синий, и створки двери разъехались.

— Точно, я быстро! — Мария Петровна рванула к туалету, едва не сбив с ног выходящего человека.

— Стойте! — крикнула темноволосая женщина, но было поздно. Створки туалета закрылись, скрыв Марию Петровну в своём чреве. — Там санобработка, — пробормотала она, приподнимая брови и сжимая губы, словно это она была виновата в случившемся.

— Что там? — переспросила Женя, поглядывая, как виновница происшествия отошла в сторону со своей копией. — Они погодки или двойняшки?

— Ах, вот ты где! — эмоционально воскликнула женщина. — Зара и Нара, вы представляете, что вы натворили своими ляпками. — Обернувшись к Женьке, она продолжила: — Двойняшки. Одна Зара, Зарина, вторая Нара — Нарине.

— Что вы сказали там? — Женька указала на туалет.

Огонёк в очередной раз поменял цвет. Теперь он стал зелёным. Створки разъехались. Из туалета вышла Мария Петровна. Вода стекала с неё ручьями. Платье промокло до нитки. Пятна от мороженого не было. Волосы торчали в разные стороны. В одной руке она держала пакет, который раздулся до невероятных размеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.